

ихъ патетическихъ воученій: «Бойтесь непровѣренныхъ людей!» «Бросьте въ мусорную яму всѣ мысли и коалиціи!» «Продумайте, оформите эти идеи, носящіяся въ воздухѣ, свяжите ихъ въ стройную систему! Знайте твердо: третьяго намъ, Россіи, не дано. Либо Сталинскій національ-коммунизмъ, либо — національная имперія, цезаризмъ!»

Цезаризмъ! Цезаризмъ! Вторая книжка наполнена этимъ молениемъ о Цезарѣ. Какъ не вспомнить дѣдушку Крылова:

Вотъ пуще прежняго и квакаешь, и стоишь,
Чтобъ нмъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ царя иного.
Вамъ данъ былъ царь, — такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ,
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ;
Другой вамъ данъ, — такъ этотъ очень лихъ:
Живите-жъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже!

Правильный совѣтъ...

Ек. Кускова.

«Утвержденія». — Кн. I февраль 1931, кн. II августъ 1931.

«Органъ объединенія пореволюціонныхъ теченій» — таковъ подзаголовокъ выходящаго съ начала этого года въ Парижѣ новаго журнала, посвященнаго проблемамъ міросозерцанія и политики.

Среди сотрудниковъ «Утвержденій» преобладаютъ авторы еще до сихъ поръ мало или вовсе не печатавшіеся, знакомые скорѣе узкому кругу почитателей парижскихъ собесѣдованій, чѣмъ широкой публикѣ, — Ширинскій-Шихматовъ, Меньшиковъ, Баранецкій и др. Есть однако нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ именъ, — правда, въ довольно неожиданномъ сочетаніи: Н. А. Бердяевъ, — Е. Д. Кускова, — Н. С. Тимашевъ, — Ф. А. Степунъ. Сотрудничаетъ въ журналѣ, наконецъ, и безызвѣстный г. Дмитріевскій, вчерашній большевицкій сановникъ.

Кто же объединяетъ это пестрое общество? Составъ редакціи, къ сожалѣнію, не обозначенъ. Быть можетъ, «духовнымъ отцемъ» новаго журнала надо считать Н. А. Бердяева, такъ какъ обѣ книжки начинаются его «Открытыми письмами къ пореволюціонной молодежи», и замѣтное вліяніе идей Бердяева, главнымъ образомъ, его «Новаго Средневѣковья», сказывается на большинствѣ остальныхъ статей? Но анонимной «редколлегіи» принадлежать лишь два краткихъ редакціонныхъ заявленія да примѣчанія къ отдѣльнымъ статьямъ.

Цѣль журнала — «объединеніе пореволюціонной молодежи и той части эмиграціи, которая въ тяжкомъ опытѣ обрѣла новое сознаніе», — объединеніе сначала литературное, съ перспективой въ дальѣйшемъ стать и организаціоннымъ. Страницы журнала предоставлены поэтому «нашимъ передовымъ мыслителямъ» съ одной стороны и «пореволюціонно-мыслящей молодежи» съ другой. Изъ рядовъ этой

последней и вышли зачинатели «Утверждений». Больше того, оказывается, что и в финансовом отношении журнал существует «исключительно на трудовые ежемесячные взносы его сотрудников и друзей», изъ конихъ многіе зарабатываютъ свой хлѣбъ тяжелымъ физическимъ трудомъ: заявленіе, свидѣтельствующее, если его понимать à la lettre, о высокомъ душевномъ подъемѣ и жертвенности участниковъ «содружества».

Эти редакціонныя разъясненія обязываютъ отнести съ особымъ доброжелательствомъ и сочувствіемъ къ литературному начинанію трудовой эмигрантской молодежи. Для насъ, уходящаго съ жизненной сцены поколѣнія, нѣтъ перспективы болѣе трагической и страшнѣе, какъ исчезнуть, не оставивъ свѣжей культурной смѣны себѣ. И насъ не пугаетъ, что молодежь такъ подчеркнуто обращена душой впередъ, въ «пореволюціонное» будущее Россіи, что она ищетъ непременно «новаго» сознанія, — тѣмъ лучше! Значитъ, она дѣйствительно молода; а кто же, съ другой стороны, станетъ отрицать, что старыя основы интеллигентскаго сознанія неотложно требуютъ весьма серьезнаго пересмотра?

Правда, ожиданіе свѣжихъ идей, новаго слова сразу же расколлаживается послѣ разъясненія редакціи, какія именно эмигрантскія теченія она считаетъ «пореволюціонными»: увы, это все тѣ же старые знакомцы, — жестоко себя скомпрометировавшее евразійство и его разновидность національ-максимализмъ, затѣмъ «устраивовцы», давшіе, какъ извѣстно, идеологическое обоснованіе смѣновѣховству; новыми являются только никому до сего времени невѣдомые «нео-народники» и уже вовсе гниавшія «бѣлокрестовцы». Но не будемъ поминать лихо прошлаго и придраться къ именамъ, обратимся къ существу предлагаемаго намъ новаго синтеза «пореволюціонныхъ теченій».

Все хорошо, пока дѣло идетъ о самыхъ общихъ основахъ «пореволюціоннаго» міросозерцанія. Въ качествѣ таковыхъ редакція выставляетъ: приматъ духовнаго начала надъ матеріальнымъ, устроеніе жизни на основахъ христіанской правды, всечеловѣческую миссію Россіи, наконецъ, построеніе будущаго на основѣ синтеза Россіи до-революціонной и революціонной. — Мысли не новыя, пріемлемыя для многихъ людей и «до-революціоннаго» сознанія, но очень уже общія. Соблазнительная эволюція евразійства показала, что весьма широкія идеологическія линіи сами по себѣ ни отъ какого срыва не предохраняютъ: рѣшаетъ судьбу общественнаго теченія конкретная, недвусмысленная программа политическая.

На первый взглядъ, съ этой стороны въ «Утверженіяхъ» дѣло какъ будто обстоитъ благополучно: будучи весьма лѣвымъ въ социальномъ отношеніи, отрицая въ корнѣ буржуазно-капиталистическій строй, новый журналъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ себя стоящимъ на «непримиримо революціонной позиціи по отношенію къ коммунистическому правительству». Не лѣвизна «Утверждений» — особаго рода. Отрицая капитализмъ и коммунизмъ, они ищутъ «новыя формы, но-

вые пути». Ни демократія, ни социализмъ ихъ не удовлетворяютъ. Социалисты — старорежимны, ибо они «защищаютъ либеральныя начала и даже капитализмъ передъ лицомъ коммунизма»; формальная демократія ведетъ къ нестерпимой тираніи общественнаго мѣтвія, — будущее принадлежитъ корпоративно-кооперативной организаціи общества (Бердяевъ). Нѣкто Н. Лядовъ, очевидно, въ память евразійцевъ, выдвигаетъ варварски звучащей лозунгъ «индеоправства» (!), М. Артемьевъ, отъ имени какихъ-то фантастическихъ кружковъ въ Россіи — власть «богопризванныхъ», синтекратію (отъ слова синтезъ!) или пневмократію. Словомъ, выборъ фасоновъ богатый, на всѣ «пореволюціонные» вкусы, съ уклономъ или въ сторону Бердяевского анархизма, или подъ евразійскую «власть идеи».

Своеобразнымъ защитникомъ демократіи выступаетъ Ф. А. Степунъ. Передъ трибуналомъ «пореволюціоннаго духотворческаго свободолюбія» онъ тоже готовъ осудить формальную демократію: основанная не на долгѣ истины, а на правѣ мѣтвія, она «такъ же враждебна свободѣ, какъ и свободоненавистнической фашизмъ». Степунъ ходатайствуетъ лишь о снисхожденіи къ виновной: все же практически демократія — меньшее зло и меньшая ложь по сравненію съ фашизмомъ и коммунизмомъ, — лучше демократической «мѣшанины», чѣмъ коммунистической «чертъ». На что «редколлегія» въ особомъ примѣчаніи беретъ подъ свою защиту фашизмъ, какъ направленіе «въ извѣстной мѣрѣ пореволюціонное», и рекомендуетъ въ построенияхъ будущаго «исходить изъ совѣтской дѣйствительности».

Не не эти сами по себѣ столь обычныя обличенія демократіи смущаютъ насъ въ «Утвержденіяхъ». Почему бы въ концѣ концовъ русскимъ эмигрантамъ, спасшимся бѣгствомъ отъ восторжествовавшей у нихъ на родинѣ «индеократіи», и не заняться, пользуясь благами презрѣнной «буржуазной» свободы, разоблаченіями формальной демократіи и поисками иной, болѣе удачной, чѣмъ 3-ій Интернационалъ, идеи-властительницы? Не хотимъ пророчествовать, но опасаемся, что подводнымъ камнемъ, который можетъ привести новый журналъ къ крушенію, явится то-же самое, что уже въ свое время послужило причиной разложенія евразійства, а именно, неясное, полное двусмысленности и соблазна отношеніе къ совѣтской дѣйствительности.

Что именно приѣмлютъ, «утверждаютъ» участники новаго журнала въ большевицкой революціи и въ создавшемся въ результатъ ея теперешнемъ порядкѣ вещей въ Россіи? Какой положительный смыслъ вкладываютъ они въ понятіе своей «пореволюціонности»? Очевиденъ главный соблазнъ, угрожающій на этомъ пути: опасность издалика принять за органической процессъ то, что быть можетъ есть лишь навязанная русскому народу личина, соблазнъ отъ простого признанія факта незамѣтно перейти къ его историческому и политическому оправданію.

Редакціонное предисловіе отдѣляется на этотъ счетъ мало содержательными фразами: мы приѣмлемъ «проблематику» революціи, отвергая коммунистическія ея рѣшенія, мы относимся положительно

къ зарождающейся въ революціи «творческой стихіи», мы привѣствуемъ волю новыхъ жизненныхъ словей къ устроению «болѣе совершеннаго социальнаго уклада», ихъ «вселенскій размахъ». Н. А. Бердяевъ, для котораго «настоящей, вполне созрѣвшей и осуществившей себя революціей» является лишь революція октябрьская, усматриваетъ, что ею разбужена «творческая стихія народа», и что русскій народъ показалъ, что онъ обладаетъ «большимъ дерзновеніемъ въ созданіи новаго строя жизни, чѣмъ народы Запада».

Здѣсь — у насъ коренное расхожденіе съ Н. А. Бердяевымъ и со всѣми *soi-disant* «пореволюционными» теченіями въ эмиграціи. Никто, разумѣется не отрицаетъ, что революція произвела глубочайшую социальную трансформацию въ Россіи, открыла народнымъ низамъ доступъ — въ будущемъ — къ участию въ государственномъ строительствѣ; и кто можетъ усумниться въ томъ, что, несмотря на удушающій совѣтскій режимъ, Россія жива, и жизнеспособность русскаго народа лишь временно ослаблена. Но намъ трудно понять благодушный оптимизмъ тѣхъ, кто передъ лицомъ страшной дѣйствительности усматриваетъ уже въ настоящемъ времени въ закрѣпощенной Россіи проявленіе какой-то особой «разбуженной творческой стихіи народа». И уже вовсе издѣвательствомъ надъ лютыми страданіями порабошеннаго народа представляется двусмысленная реторика объ исключительномъ его, народа, «дерзновеніи» и «вселенскомъ размахѣ» его воли къ «устроению болѣе совершеннаго социальнаго строя»: это говорится сейчасъ, когда насильственная коллективизація всего крестьянскаго хозяйства достойно завершаетъ четырнадцатилѣтнее бессмысленное экспериментированіе надъ Россіей самой жестокой въ мірѣ деспотіи. Источникомъ такой «пореволюціонной» психологіи должно, очевидно, быть недоговариваемое или еще неосознанное убѣжденіе въ томъ, что коммунисты, проводя свои «грандіозныя» мѣропріятія по социализаціи промышленности, коллективизаціи сельскаго хозяйства или введенію всеобщаго крѣпостного права дѣйствуютъ съ согласія народа, по его неформальному уполномоченію, на благо Россіи. Тогда это и надо договорить совершенно отчетливо, безъ мистическаго тумана, и безъ деклараций о своей «революціонной непримиримости» по отношенію къ совѣтской власти.

Неприятное, почти болѣзненное впечатлѣніе, производитъ мистическій экстазъ, въ который впадаютъ иные изъ «молодыхъ» сотрудниковъ «Утвержденій» по случаю трагическаго положенія Россіи: народы Россіи, пророчески вѣщаютъ они, становятся во главѣ эпохи великихъ свершеній, Россія — новый всемірно-историческій центръ, единственная надежда возможнаго возрожденія и преображенія чело-вѣчества, она спасетъ міръ, укажетъ ему новые пути, раскроетъ новыя возможности (Баранецкій, Даниленко). Чего тутъ больше — «воспаленной психики, оьяненія величіемъ напыщенныхъ, но пустыхъ фразъ», какъ справедливо отмѣчаетъ въ своей статьѣ Е. Д. Кускова, или же внутренней капитуляціи передъ «успѣхами» большевиковъ, — не всегда легко опредѣлить. Образчикомъ уже совершенной плѣ-

венности большевизскими достижениями служить статья шкского И. Степанова. Непонятно вообще, какъ такая циничская, нестерпимая морально, статья могла появиться въ эмигрантскомъ журналѣ. Степановъ кажется уже все приметъ, все «утверждаетъ», что дѣлаютъ съ Россіей большевики. Принудительный трудъ, о которомъ почему то «поднимаетъ крикъ» буржуазная печать въ Европѣ? Еще спорно, дѣйствительно ли въ СССР принуждаютъ людей работать, за исключеніемъ осужденныхъ за преступленія. Лишеницы? — но вѣдь всѣ они такъ или иначе кормятся на задворкахъ пятидѣтки. Совхозы есть дѣтище «передовой выдвигенческой интеллигенціи», съ коллективизаціей крестьяне не борются, потому что сознаютъ ея «справду». Не смущаютъ г. Степанова и жестокости большевизкаго террора. Сталинъ въ своей исторической роли подобенъ Петру, онъ укрѣпляетъ хозяйственную мощь Россіи, и — «мы не задумываемся надъ потоками крови, пролитой во имя величія Россіи».

Послѣ знакомства съ такимъ Степановымъ перестаешь уже удивляться участію въ эмигрантскомъ органѣ г. Дмитріевского. Да и не съ молодежи «Утвержденій» повелась у насъ странная поспѣшность, съ которой эмиграція предоставляетъ почетное мѣсто въ своихъ рядахъ большевизскимъ перелетамъ съ того берега, не задумываясь надъ истинными мотивами ихъ внезапнаго прозрѣнія. «Утвержденія» же явно польщены предпочтеніемъ, оказаннымъ имъ столь виднымъ представителемъ тоже «пореволюціоннаго течения» передъ «отживающими своей вѣкъ демократами и бѣлыми болтай-активистами». Для характеристики совершенно безпримѣрной широты взглядовъ редколлегіи, отмѣтимъ только, что лирическая ода г. Дмитріевского въ честь Сталина въ журналѣ мирно уживается рядомъ со «страшными» революціонными лозунгами Ширинскаго-Шихматова: сверженіе сталинской диктатуры... центральнымъ переворотомъ... короткою кровью.

При столь обширной амплитудѣ всевозможныхъ направленій и настроеній, цѣль, поставленная себѣ новымъ журналомъ, ихъ идеологическое объединеніе, явно неосуществима. Но значеніе и цѣнность «Утвержденій» въ другомъ: они даютъ выходъ процессу какого-то еще смутнаго духовнаго броженія, происходящаго въ известной части эмигрантской молодежи. Пусть же этотъ процессъ идейнаго самоопредѣленія происходитъ гласно, на открытой общественной аренѣ, подъ обстрѣломъ доброжелательной или придирчивой критики, — въ этомъ залогъ скорѣйшаго отдѣленія здороваго зерна изъ груды пустой или недоброкачественной шелухи.

В. Рудневъ.